Manapeter Augpen 1 pyr x39. Tp. Manding Granener, 1 let ng sponson, Cuon. -)

Игорь Зотов

Андрей Макаревич. «Сам овца». Биографическая проза. — М.: Захаров, 2001, 268 с.

РЕДНЯЯ часть книги Андрея Макаревича, названная по первым строкам известной его песни «Все очень просто», хронологически написана на целять десять дет раньше первой и хронологически написана на целых десять лет раньше первой и последней и посвящена собственно истории легендарной «Машины времени». Любопытно, что как раз эта часть — гораздо менее интересна, чем другие две. Перечисление событий, приходы и уходы тех или иных музыкантов, интриги тогдашних властей — все это прочтут с удовольствием, наверное, только сугубые фанаты группы и самого Макаревича. Единственное, что хорошо в этой части, так это ее предельная корректность. Макаревич никого не осуждает, не раздает серег задним осуждает, не раздает серег задним числом.

осуждает, не раздает серег задним числом.

Гораздо любопытнее первая часть — «Сам овца», и последняя — «Дом». Вроде бы странно, но в них о самом Макаревиче сказано много больше, чем в истории, сделавшей его «звездой» отечественного рока. В них четко следятся истоки макаревических текстов и музыки. С этой точки зрения весьма характерно начало книги — вполне расхожие, а временами и высокопарные рассуждения о природе творчества. Не только музыкального, но и — вообще. Вот где зарыта собака ложной многозначительности «Марионеток», «Поворота» и им подобных песен. Той многозначительности, что раздражала еще в семидесятые годы. Но она же и была главной причиной бешеной популярности группы.

популярности группы.
Занятный эпизод как раз на эту тему описал сам автор. На рынке к нему подошла пожилая женщик нему подошла пожилая женщина, «очень приятная и интеллигентная», и призналась, что и она сама, и дочка, и оба внука ее слушают его песни: «И календарь ваш у нас висит, и почти все пластинки есть, и в доме всегда звучит ваша музыка!»

И когда я уже совсем растаял, добавила: «Ваша и Славочки Доб-

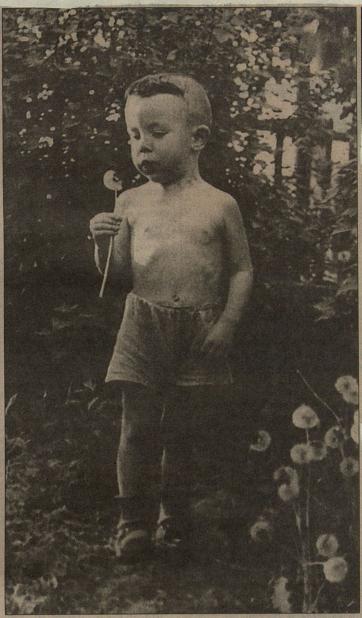
рынина». Это обидное для Макаревича признание не так уж и неправомочно. Широкая популярность всегда — с некоторой пошлинкой. И невозможно себе представить, что подобные слова пожилая женщина могла бы обратить, скажем,

щина могла бы обратить, скажем, к Борису Гребенщикову. Макаревич жалуется: «Нет, не ревность душила, клянусь вам, а жуткая обида на зрителя, которого мы вчера считали своим (не своей собственностью, но своим по убеждениям!), — за зрителя, который сегодня с таким наслаждением позволяет себя дурачить». И напрасно жалуется, поскольку нонконформизм машиновременского типа был вполне удобен всем и в 70-е, и в 80-е, и в прочие годы. Но все это ровным счетом не имеет никакого отношения к собственно мемуарным страницам

ственно мемуарным страницам книги. К тем страницам, где Ма-каревич рассказывает не о гибель-ности социалистического строя, а

ности социалистического строя, а о своем происхождении, о коммуналке на Волхонке с окнами прямо на Пушкинский музей. Об отце и матери. О том, как пил водку на даче у Михалкова и заблудился в тамошних заборах.

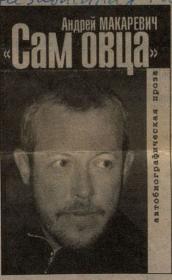
Рассказывает честно и, что называется, без понтов. И это приятно. Понятно, что от автобиографии какого-нибудь вполне безвестного человека рассказы Макаревича выгодно отличают их вполне узнаваемые и популярные персонажи. Интересно же, в конце концов, прочитать, как выма-

Уже в детстве Андрей открыл, что не на все вопросы бывают положительные ответы.

ПОЧЕМУ ИИСУС НЕ УЛЫБАЛСЯ

Андрей Макаревич: вопросы самому себе

терился Градский или что сказал Абдулов. Но у Макаревича — редкая вещь для мемуаров — обошлось без пошлых сплетен и сведения счетов.

Казалось бы, пиши свой мему

ар без философий, а философии уж сами построятся по мере твоего писания. Зависимо от писа-

тельского таланта, композиционных изысков и отобранных деталей, «Сам овца» без философий — чтение увлекательное. Но вот парадокс: в последней части книги, после занятного описания своего дома и его обитателей, после скромного и славного описания событий августа 1991 года и своего в них участия, Макаревич вдруг возвращается к философии. Но уже на совершенно другом уровне. Сперва — ностальгическая ода советской пельменной, потом забавный, стилистически кая ода советской пельменной, потом забавный, стилистически безупречный эпизод про то, как на каком-то греческом острове его компания спутала частный дом с придорожным кафе и что из этого вышло, и наконец — перечень верпросов самому чень «вечных» вопросов самому

себе.
Каждый из которых прямо-та ки вопиет о том, что всенародная популярность и простое счастье две вещи несовместные. (Кто бы смог заподозрить вечно улыбчатого и внешне успешного Андрея — в таких откровениях!) К примеру: «Я не понимаю, почему во всех четырех Евангелиях Иисус гневался, скорбел, вопрошал и учил, но ни разу не улыбнулся». Действительно, почему? 254